

Этот обед прошёл так, что никто не смог по-настоящему насладиться едой. На протяжении всего времени Цзэн Жун постоянно подкладывала Линь Шу еду, осыпая его комплиментами, словно они ничего не стоили. Чэнь Минсюэ то и дело поднимала глаза на свою мать, и к концу трапезы глаза у неё покраснели.

В итоге Линь Шу ушёл вместе с Чэнь Минсюэ.

Как только они вышли из компании Линь Цзиньхуа, Чэнь Минсюэ начала непрерывно плакать. Очнувшись, она обнаружила, что уже оказалась у Линь Шу дома. Она тут же захотела уехать на велосипеде, но Линь Шу уговорил её:

— Не переживай, моя мама ушла, её дома нет. Зайди, умойся, иначе твой отец точно будет беспокоиться, когда ты вернёшься.

Чэнь Минсюэ на мгновение застыла, но в итоге вошла и умылась.

Пока она умывалась, Линь Шу сказал ей:

— Твоя мама на самом деле совсем не любит меня. Она просто старается выглядеть гостеприимной, подкладывая мне еду. Это как обычно, когда приходят гости: мамы хвалят детей гостей, словно те цветы.

Услышав это, Чэнь Минсюэ замерла, а затем её лицо покраснело. Спустя некоторое время она тихо проговорила:

— Я... я знаю, что мне не следовало ревновать...

С этими словами она снова заплакала.

Она продолжала плакать, вытирая слёзы полотенцем. Она знала, что не должна была так себя вести, но не понимала, как Линь Шу догадался, что она умирает от ревности, хотя она старалась это скрыть.

Чэнь Минсюэ действительно знала, что не должна была так себя вести. Даже если он был сыном Линь Цзиньхуа, он был таким же, как и она. Линь Шу всегда проявлял к ней доброту, был хорошим старшим братом, и ей не следовало завидовать.

Но она просто умирала от зависти.

Её мама была такой холодной и строгой с ней, но улыбалась чужому ребёнку с такой теплотой и радушием. Сердце Чэнь Минсюэ оледенело, и посреди конца лета и начала осени она почувствовала, как холод пробирает до самых костей.

Линь Шу сказал:

— Не то что не следовало, просто нет необходимости. Твоя мама просто вежлива со мной.

Несмотря на эти слова, Чэнь Минсюэ почувствовала сильный стыд за свои мысли.

Именно в этот момент в прихожей раздался звук ключа, поворачивающегося в замке, а затем щелчок открывающейся двери. Чэнь Минсюэ вздрогнула, словно испуганный кролик, и хотела спрятаться, но не нашла места.

Она беспомощно оглядывалась по сторонам, пытаясь найти укрытие, но было уже слишком

поздно.

Лян Юэхуа увидела детские туфли у двери, на мгновение замерла и окликнула:

— Сяошу? У нас гостя?

Линь Шу мягко похлопал Чэнь Минсюэ по плечу:

— Всё в порядке.

Затем он обратился к Лян Юэхуа:

— Мама, это просто моя одноклассница. Мы случайно встретились поблизости, она зашла посидеть, заодно умыться... Она случайно испачкалась.

Услышав это, Чэнь Минсюэ замерла. Дети обычно очень честны, их учат не лгать, и только с возрастом они становятся более хитрыми и лицемерными.

Чэнь Минсюэ всё ещё была в том возрасте, когда она совсем не умела лгать, поэтому она почувствовала себя неловко, услышав, как Линь Шу так легко и непринуждённо обманывает Лян Юэхуа.

Но поскольку этот обман был сделан ради неё, Чэнь Минсюэ не могла испытывать неприязнь к Линь Шу, хотя в её сердце появилось лёгкое чувство вины.

В конце концов она произнесла:

— Тётя, здравствуйте.

Лян Юэхуа увидела её и спросила:

— Чэнь Минсюэ?

Чэнь Минсюэ тут же напряглась, совершенно не ожидая, что Лян Юэхуа сразу её узнает. Она несколько минут бормотала, но не смогла сказать ничего больше, только повторила «я».

Лян Юэхуа, увидев её напряжение, улыбнулась и сказала:

— Не волнуйся, тётя ничего тебе не сделает. Я знаю твоих родителей, мы несколько лет назад вместе ходили в парк развлечений... Помнишь?

Честно говоря, Чэнь Минсюэ уже не очень помнила.

Она помнила, что ходила в парк развлечений, но кто именно был с ней, какие взрослые присутствовали... Чэнь Минсюэ была тогда маленькой, а дети обычно забывчивы, как она могла это помнить?

Лян Юэхуа, не получив ответа, не стала продолжать этот разговор, а просто мягко спросила, что случилось. Линь Шу, увидев, что его мама узнала Чэнь Минсюэ, больше не скрывал и рассказал Лян Юэхуа всё, что произошло ранее.

Выслушав, Лян Юэхуа прониклась сочувствием к Чэнь Минсюэ. Она вернулась домой, чтобы взять кое-что, и предложила подвезти Чэнь Минсюэ домой. Чэнь Минсюэ, хотя и пыталась отказать, в итоге не смогла устоять перед добротой Лян Юэхуа. Линь Шу положил велосипед

Чэнь Минсюэ в багажник, и они с мамой отвезли её домой.

Однако, когда они прибыли к дому Чэнь Минсюэ, они случайно застали Чэнь Вэньцюя, который разговаривал по телефону, спорил с Цзэн Жун и выходил из дома. Услышав содержание разговора, Чэнь Минсюэ съежилась и невольно отступила назад.

Но Чэнь Вэньцюй не обратил внимания на свою дочь, потому что на второй взгляд он увидел Лян Юэхуа, и сердце его дрогнуло. Он смущённо произнёс:

— Лян Юэхуа!

Лян Юэхуа ответила:

— Тебе не нужно так выглядеть, это дело не твоё. Твоя дочь скучала по матери и не смогла удержаться, чтобы не пойти к ней. Потом не ругай её. Разве есть на свете дети, которые не скучают по своим матерям?

Услышав это, Чэнь Вэньцюй почувствовал смешанные эмоции и на мгновение не знал, что сказать.

Лян Юэхуа, понимая, что ситуация между ними неловкая, не стала продолжать разговор, а мягко сказала Чэнь Минсюэ:

— Выходи из машины. Не волнуйся, пойти к своей матери — это не ошибка, твой отец не будет тебя ругать, потому что это не твоя вина.

Она несколькими фразами задала тон этому разговору и даже взяла на себя обещание за Чэнь Вэньцюя. Её уверенная и решительная манера, хотя и была сильной, не вызывала неприязни.

Чэнь Минсюэ посмотрела на Лян Юэхуа, затем на своего отца и почувствовала, что слова этой тёти казались ей более убедительными и непререкаемыми, чем слова её отца.

С некоторым волнением она вышла из машины, а затем с помощью Линь Шу начала вытаскивать свой велосипед.

Чэнь Вэньцюй, увидев это, тут же сказал:

— Я помогу!

И он помог дочери вытащить детский велосипед из багажника.

После этого он глубоко вздохнул и сказал:

— Лян Юэхуа, спасибо, что привезли Минсюэ домой.

Чэнь Вэньцюй произнёс это искренне, но в его голосе сквозила скрытая злость, которая не была направлена на Лян Юэхуа. Лян Юэхуа знала, откуда эта злость, поэтому не стала продолжать разговор, просто сказала:

— Не за что.

Перед тем как уйти, Чэнь Минсюэ вдруг позвала Линь Шу:

— Брат Линь Шу!

Линь Шу тут же остановился.

Это был первый раз, когда Чэнь Минсюэ назвала его старшим братом.

Она сказала:

— В следующий раз, если будет возможность, я приглашу тебя к себе домой.

Линь Шу улыбнулся и ответил:

— Хорошо.

За ужином Линь Шу не удержался и спросил Лян Юэхуа:

— Мама, ты и отец Чэнь Минсюэ учились вместе?

Лян Юэхуа, услышав это, опустила глаза и вздохнула:

— Не только этот дядя Чэнь, но и твой отец, и Цзэн Жун учились со мной в одном университете.

Линь Шу сказал:

— Я знаю, что папа изучал машиностроение, а Цзэн Жун и этот дядя Чэнь? Они тоже окончили Яньцзинский университет?

Лян Юэхуа, держа палочки, спокойно взяла немного еды и сказала:

— Цзэн Жун училась в филиале технического колледжа, изучала дошкольное образование. Чэнь Вэньцуй изучал коммерцию, он был на том же факультете, что и я, но на другой специальности.

Линь Шу хотел спросить ещё, но Лян Юэхуа прервала его. Она с некоторым колебанием спросила Линь Шу:

— Сяошу, мама в последнее время очень занята работой, редко готовит дома... Тебе это не неприятно?

Линь Шу замер, не ожидая такого вопроса.

На самом деле, если бы он был настоящим ребёнком, он, возможно, почувствовал бы некоторую обиду, но Линь Шу уже не был настоящим ребёнком. Его сердце давно закалилось, как сталь. Для него главное было, чтобы Лян Юэхуа жила хорошо, и тогда эта его жизнь не прошла зря.

А насчёт того, будет ли он каждый день есть домашнюю еду, приготовленную мамой, это было второстепенно — в конце концов, у них была домработница.